

вал и прямехонько на небо вознесся да Господа лицезрел («Книга Еноха Праведного»). Призадумался о диалектике бытия, не реально, так мыслию узрел трансцендентный мир и заговорил «о состоянии душ, разлученных с телом».

И кстати, еще раз о жизни как попроще, на котором душа облачается в тело и научается земной, человеческой речи. Продолжая своих усердных предшественников в науке, Аверинцев обращается к первоначальной, допереводной речи Нового завета. Оказывается, что была это речь, «более похожая на энергичные стихи, чем на прозу, играющая каламбурами, ассонансами, аллитерациями и рифмоидами, сама собой ложащаяся на память, как народное присловье». Новозаветный стиль — это стиль живых слов, слов, как бы удивляющихся фонической близости, с которой выражаются лежащие в разных измерениях понятия, и прямо-таки любующихся своей

многоплановостью. Я рискнул бы сказать, что так говорят поутру, на границе бодрствования и сна, когда с особенной остротой ощущаешь удивительность материального мира, красоту и слова и тела, а полчаса пройдет, и речь потускнеет.

События, разыгравшиеся в первые годы нашей эры в отдаленной римской провинции, в сквериках и в ближайших окрестностях небольшого колониального города, таинственны; об эпохах более ранних мы знаем больше, видим их мы отчетливее. Но одно достоверно: происшедшее там ощущалось современниками как утро — и особая ясность зрения, и неожиданность тела, и свободный ток звонкозвучных, внятных, братски близких друг другу слов.

Может быть, утро и впрямь начиналось?

А о продолжении утра сего повествует нам книга филолога-публициста Аверинцева.

В. ТУРБИН.



Политика и наука

ИЗ ПРОШЛОГО О ВЕЧНОМ

И. Кривелев. Христос: миф или действительность? М. Редакция «Общественные науки и современность» Академии наук СССР. 1987. 143 стр.

О том, почему за этой не содержащей чего-то очень уж нового книжкой выстраиваются в очередь, гадать не приходится. Слишком долго хранили наши историки и философы «блаженную немоту» о Сыне Человеческом, чье рождение положило начало эре, в которую мы живем, и чье имя (по точному замечанию И. Кривелева) «в течение последних двадцати столетий постоянно и громко звучало в истории и в жизни миллионов людей». Мы или переиздавали иноземные труды («Библейские сказания» З. Косидовского — первое, что приходит на память), или пускали в оборот иноземные же полубалаганные сочинения вроде «Забавного евангелия». Не хочу сказать, что совсем не было отечественных публикаций: в минувшее десятилетие «Наука» и Политиздат обнародовали добросовестные штудии И. Свенцицкой, И. Амузина, М. Кубланова; «Советская энциклопедия» подготовила Философскую энциклопедию, «Мифы народов мира». Но все это или совсем не касалось «роковой» полузапретной темы, или пряталось за частоклом наукообразия, или служило «всеобщим эквивалентом» книгообмена, а потому было недосягаемо.

И вот появляется книжка (журнальный формат, трагически черный колор обложки), которая лишена зауми, продается в обычных магазинах, предназначена для «обычных» людей и, главное, прямо, жестко, откровенно привязана к волнующей всех теме. Сказать, что стиль И. Кривелева изящен, — значит покривить душой: суконных оборотов тут много («он... выступал в роли мессии-страдальца», «не будучи в состоянии дотянуться до вождя виноградной доверности...» — и т. д. и т. п.). Но позиция автора сформулирована тем не менее точно, забрало открыто, а это широкий читатель, уставший от уклончивости и двоемыслия, умеет ценить. Вся логика научного «сюжета» (от изложения «рецепции» образа Христа в конце XIX — начале XX века до анализа данных о его историчности) направлена здесь к безутешному выводу: имя, «постоянно и громко» звучавшее в новейшей истории человечества, не более чем миф, сказка, выдумка. Не было на земле такого человека. Так отвечала родившаяся на переломе столетий и расцветшая в 30-е годы «мифологическая» (в противовес «исторической», признающей реальность Христа) школа.

Вот уже сорок лет так же отвечает И. Кривелев. Сомневаюсь, чтобы эта верность своим многолетним убеждениям давала автору внутреннее право под видом абсолютно новой книги (ни малейшего намека на то, что перед нами переиздание, в рецензируемом сборнике нет) выпустить в свет сокращенный и слегка отредактированный вариант своего давнего труда «Что знает история об Иисусе Христе?» (М. «Советская Россия», 1969)¹. Но одновременно это дает и нам возможность нарушить правила хорошего рецензионного тона, запрещающие откликаться сегодня на то, что уже было в ходу вчера (ибо «поезд ушел»), и задуматься: почему в читательский оборот по новому кругу пущено сочинение, «нормативное» для эпохи застоя общественных наук, почему тем самым оно как бы выдано за последнее слово религиоведения, за концепцию конца 80-х годов?

Многое изменилось за прошедшие со времен журнала «Безбожник» годы; немало находок сделано — назову хотя бы раскопки в районе Мертвого моря, где обнаружены рукописи общины кумранитов, — но одно осталось. Спор о том, был или не был Христос реальным историческим лицом, важен лишь для атеистического, или, скажем точнее, внехристианского сознания. Верующий (если он не крайне левый протестант) верит не раскопкам и архивам, а «священному преданию», тем более что знает: все тогдашние документы могли быть уничтожены по велению фарисеев. Даже зная о путаных датировках Евангелий и посланий, он доверяет не им, а чувству, извлеченному из глубин ежедневного чтения новозаветных текстов: для него такая боль, такая радость, такая мера личного участия, такая готовность к страданию за веру с благонамеренным самообманом не сочетаемы.

Так что в споре «историков» и «мифологов» мировоззренческая подоплека отсутствует, и как не согласиться с И. Кривелевым, когда он пишет: «атеистическое мировоззрение с обязательным отрицанием историчности Христа» не связано «ни в коем случае». Поэтому предоставим специалистам разнимать «дерущихся», а са-

ми, спокойно признав отсутствие у «историков» твердых доказательств, фотографий, метрик, справок с печатью и наличие у них некоторых свидетельств более или менее косвенных, а потому неспособных изменить что-либо в корне, задумаемся: какими методами утверждает свою правоту один из последних представителей «мифологической» школы?

И. Кривелев начинает с суровой критики в адрес оппонентов. Лет пятьдесят назад это было сделать довольно легко, спросив: где исторические факты? Всё — подделки, позднейшие вставки. Историк Иосиф Флавий — фарисей и сын фарисея; как же он мог писать, что Иисус «был Мессией», то есть «помазанником Божьим», распятым по приказу фарисеев же, что за абсурд? Тацит не мог знать имени даже Понтия Пилата, не говоря уж о Христе: массовое движение христиан возникло лишь где-то на задворках второго столетия, да и само понятие «новый завет» не имело терминологического хождения... Теперь все усложнилось. Выяснилось, что само название кумранитов — «новый союз»; в 1961 году в Кесарии Иудейской найден обломок плиты с упоминанием Пилата; введен в оборот более ранний список XVIII книги «Иудейских древностей» Флавия, где недостоверный фрагмент читается вполне достоверно: «...считают, что он был Мессия»...

Факты — вещь не только упрямая, но и обжигающая при вольном с ними обращении. И. Кривелев, во что бы то ни стало желающий дискредитировать «историков», разрушить опорную для них систему косвенных свидетельств, вынужден как бы «остужать» факты, перекидывать их с ладони на ладонь, поворачивать то одним боком, то другим — в зависимости от того, какую мысль предстоит подкрепить. Скажем, требуется отвести доказательство «от Флавия» как недостоверное. Пожалуйста: иудейский историк ничего не мог знать о Христе точно, но — лишь понаслышке, из устного христианского предания. Однако чуть выше, когда возникла необходимость доказать, что переписи при царе Ироде не было, И. Кривелев рассуждал с точностью до наоборот. Как же! Если всеведущий Иосиф о ней не пишет — откуда же ей взяться? Ведь он так кропотлив в своих изысканиях...

То, что это не случайный логический просчет, рабочий прием, можно подтверждать сколько угодно, пригоршнями извлекая из текста рецензируемой книжки примеры, когда историческим данным приходится раздваиваться, сблуживать несовместимые те-

¹ «Новый мир», статьи, откликнулся на издание 1969 года вполне бодрой и приветственной рецензией кандидат философии наук Г. Баканурского (1971, № 1), насыщенную политическими штампами тех лет вроде «нелепиц библии», «глубокого кризиса» и даже «несостоятельности» религии на современном этапе и проч. и проч. Рецензия эта чрезвычайно характерна для тех лет.

зисы. Вот на одной странице мы читаем: «Маловероятно, чтобы в римский сенат из далекой и незначительной провинции Иудеи было прислано донесение о казни какого-то мастерового из Галилеи». Перелистываем три страницы — и наталкиваемся на нечто прямо противоположное: «...все это должно было найти отражение в литературе I века н. э. ...» Ну что тут скажешь?

Однако обратим внимание на слова, мелькнувшие в только что приведенной цитате: «должно было» и «маловероятно». Они как нельзя более точно подходят к избранному И. Кривелевым способу доказательств: ставить под сомнение неудобные данные («маловероятно») и предлагать взамен откровенно гипотетические построения («должно быть»). Невозможно, пишет он, представить себе, чтобы Тацит наводил справки о Христе в архивах, ибо он мог опираться лишь на предание, а оно, конечно же, сомнительно. Не в том сейчас дело, что события, о которых Тацит знал то ли из предания, то ли из архивов, отстояли от него отнюдь не «на 8 десятилетий»; для римского историка, родившегося около 58 года по рождестве Христове, год 33-й был тем же, чем 1937-й для того, кто появился на свет в 1962-м: частью биографии его родителей... Дело в том, с какой легкостью отдается здесь предпочтение недоказуемому перед труднодоказуемым, тому, что «могло быть», перед «маловероятным». Согласно такой методе считать, что Юст не свидетельствовал о Христе, потому как (это выяснилось недавно) был гражданином далекого Эфеса, нельзя. Это маловероятно, ибо он мог значиться почетным гражданином, а жить где угодно. Или: дочь царицы не плясала на пиру, ибо это неправдоподобно. Колебания Пилата, принимающего решение о казни Иисуса, непонятны, поскольку он вообще-то был «жестокий и бессердечный человек».

На доверчивого читателя подобная система «доказательств от невозможного» способна произвести желаемое впечатление: все зыбко, шатко, ни в чем нельзя быть уверенным, ибо — «маловероятно», ибо — «немыслимо». А что же мыслимо? Что вероятно? Где правда? На это следует мгновенный ответ: здесь! — и широкими, яркими мазками перед нашим внутренним взором набрасывается «наиболее правдоподобный вариант». Мифологический.

Степень «интеллектуального допуска» сразу же возрастает в арифметической прогрессии. Только что звучало: это маловероятно. Теперь слышится: это возможно. У

народов, населяющих Рим, была тяга к «биографизации» богов — значит, так могло произойти и с Иисусом. Существовали стойки — следовательно, евангельская мораль могла использовать их нравственную программу; наиболее вероятным «местом возникновения христианской легенды» кажется И. Кривелеву «не Палестина, а одна из стран иудейской диаспоры» — и так далее и тому подобное. А на что же мы опираемся, на какие источники? Выбор небогат: гимназический лютеранский учебник, романы Эсы ди Кейроша и Фейхтвангера, где «перед нами не просто вымысел, а исторически правдоподобное построение» (видимо, оно правдоподобнее свидетельств Флавия, Тацита, Светония...). Неясно только, почему тогда «позму о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского «никак нельзя считать исторически достоверной»; дело, видимо, в том, что первое «вполне возможно», тогда как второе «маловероятно»; первое допустимо, потому что мыслимо, второе не может быть никогда, потому что И. Кривелев думает иначе.

Впрочем, художественная литература не всесильна, особенно современная. Древность была куда изобретательнее — и почему бы не обратиться за помощью к ней? Почему бы не использовать формулировки, бывшие в употреблении еще у античных и (особенно) ближневосточных критиков, противников христианства времен его зарождения? Раскавыченными цитатами из римлянина Цельса (II в. н. э.), порицавшего христиан за «непонятные, полусумасшедшие, совершенно невнятные речи, смысла которых ни один здравомыслящий человек не откроет», выглядят проходящие лейтмотивом через все сочинение И. Кривелева упреки: «в ответственные моменты своей жизни Иисус принимает какие-то путанные решения» или — «с точки зрения здравого рассудка здесь все нелогично». Но куда очевиднее связь с антихристианской талмудической традицией: «...на «иудейскую» сущность его (Христа.— А. А.) царства богословы особенно не нападают», — сетует И. Кривелев и укоризненно продолжает: — «...себе самому он позволяет (?) в субботу заниматься целительством». Больше того: оказывается, Христос, принеся свет истины и возможность спасения всем, не выполнил обещания Яхве «возвысить» лишь избранный народ. «Иисус, — сердится И. Кривелев, — считает себя... учителем людей, которых он должен просветить божественной истиной... Кого, каких людей? По логике вещей — евреев... Однако... ко всем наро-

дам обращена его миссия, а не к одному лишь Израилю... Что же здесь плохого?—спросим мы.

...«Кривелев и Калтахчян — не латунские, а мастера в своем деле, в своих науках. Не принимайте мое мнение на веру, почитайте их работы», — призывает журналистка Е. Лосото (см. ее статью «„Божественная“ полемика» в «Комсомольской правде» от 21 октября 1987 года, где она отвечает критикам нашумевшего памфлета И. Кривелева «Кокетничая с боженькой»). Что ж, конечно же, Кривелев — профессионал; в отличие от Е. Лосото, решившей «заняться просветительством» и тут же по ошибке приписавшей христианству отмененную Христом ветхозаветную максиму «око за око, зуб за зуб», И. Кривелев свое дело знает. Но если даже он способен неоднократно повторить: «Христос на время воплотился в человеческий образ» (то есть впасть в атеистическую разновидность монофизитства, ибо «правверные» христиане стоят именно на том, что божественное и человеческое, встретившись в Христе, соединились в нем «неслиянно и нераздельно» и раны, нанесенные ему во время крестных мук, не заживают после воскресения — «телесного», а не только духовного!); если даже И. Кривелев не умеет разделить понятия храма как архитектурного строения и церкви как небесной и земной «институции» — что же можно сказать об уровне той отрасли научного знания, одним из главных представителей которой И. Кривелев по праву считается?

Здесь не место анализировать все причины ее упадка, но одну, главную, назвать следует. Замкнутые идеологические системы, обладающие монополией на право публичного отстаивания истины, каким в прошлом столетии был у нас священный Синод, а в нынешнем стал казенный атеизм, подобны «родственным бракам», которые, как знает любой читатель романа «Сто лет одиночества», приводят к печальным последствиям. Недопустимость новых концепций и предпочтение переизданий новым трудам — не худшее из них. Обратите внимание: ведь даже спор со статьей «Кокетничая с боженькой» велся не с религиозных, а с общегуманистических позиций (напрасно Е. Лосото расстраивается). Чтобы по вопросам веры с атеизмом полемизировали (публично! печатно!) те, кому она ближе всех — верующие, — до этого мы еще не доросли. А ведь конституционная гарантия равенства всех граждан, независимо от их религиозных убеждений или отсутствия оных, с необходимостью должна вести ли-

бо к «обету молчания» всех несогласных сторон, либо (что гораздо лучше) к возможности открытого обсуждения главной для каждого человека проблемы. Для каждого — даже если он не осознает этого!

Конечно, само по себе знакомство с евангельскими истинами или с постулатами Корана еще никого не спасло от блужданий, но мы долго, непростительно долго забывали другое: духовность невозможна без вечности в запасе, и когда рухнет картина мира, в которой было место бессмертию, человек начинает искать замену вере, ибо сознание его никогда не примирится со смертью. Заменой может стать что угодно, и хорошо, коли то будет вера в человечество, в гуманные основы бытия (вариант Б. Рассела). А если — в о ж д ь, вознесшийся над страной в сиянии божественного величия, отблеск которого падает на каждого, приобщая его к неумирающей Истории (знакомо по недавнему прошлому, не правда ли)? А если — на ц и я, которая вечна и включает частную судьбу смертного в неумирающую цепь родства по крови (тут примеры можно подбирать из настоящего; попутно замечу, что когда обществу «Память» приписывают какую-то «православность», ничего, кроме иронической улыбки, это вызвать не может: для настоящего, не суррогатного, не националистического христианства «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни не обрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос», как сказано у апостола Павла)? Вопросы риторические; но вот не риторическое соображение: мы не знаем, что станет очередной заменой. Ведь затоптанный родник ищет выхода, и почва заболачивается.

Я не к тому зову, чтобы наше государство пошло на сближение с церковью: во-первых, вон у нас их сколько, а выбирать пришлось бы одну, обид не оберешься; во-вторых, из практики авиации мы знаем, чем кончается сближение несущихся в противоположные стороны устройств. Напротив, нам нужно действительно полное отделение как церкви от государства, так и государства от церкви, о чем сказал в одном из своих интервью Д. С. Лихачев. Мы хорошо знаем по опыту истории, чем заканчиваются попытки огосударствления религии, — на с и л и е м над свободой духовного выбора и как следствие массовым угасанием веры.

Но практическая демократия заключается в том, чтобы каждый имел право свободно выслушать мнение разных сторон, свободно занять одну из них и свободно отвечать

за свой выбор. Пока же приходится слышать, что синодальный текст Евангелий не критичен (ср. у И. Кривелева), и не имеет критического текста, изданного «Наукой»; бывая в дружественной Болгарии, покупать записи церковных песнопений в исполнении Б. Христова — и не иметь возможности провезти их через отечественную таможню²; знать, что американизированные секты и иранизированные параллельные мечети появляются в основном там и тогда, где и когда закрываются «нормальные» храмы, костелы, синагоги, — и слышать с иных высоких трибун рассуждения о «шпионской» сущности культов... Я уж не говорю о том, что в советское время не переиздавались труды отцов и учителей церкви — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Григория Паламы (мизерные фрагменты, включенные во всякого рода сборники, не в счет). Что русская богословская традиция, ставшая закваской отечественной философии, и большинство житийных преданий, служащих важнейшим источником истории, полностью выключены из интеллектуального обихода: разве мыслимо достать хотя бы на прочтение книги А. С. Хомякова, епископа Игнатия (Брянчанинова), записки Мотовилова о Серафиме Саровском — величайшем русском святом, жившем почти одновременно с Пушкиным и чтимом в народе наравне с Сергием Радонежским... Что мы дозируем издание философского наследия отца Павла Флоренского «в час по

чайной ложке», в то время как «Умса Press» приступило к выпуску собрания его сочинений (а также сочинений Н. А. Бердяева и Г. П. Федотова), собирает и публикует не менее значительное наследие С. Н. Булгакова. И что вовсе не приходится мечтать о том, чтобы ныне здравствующие выдающиеся богословы уровня митрополита Сурожского Антония (Блюма) имели возможность открыто печататься в СССР. Куда там! Для них бумаги нет. А для «вариативных», полуповторных изданий И. Кривелева или публикации статей Е. Лосото — есть...

Замечательные перемены, происходящие в нашей стране, духоподъемны. Но сферы вечного они пока слабо коснулись. На нее мы продолжаем смотреть из прошлого, уходящего, но еще не прошедшего до конца. Потому и стал возможен факт воспроизведения, матрицирования морально устаревшего текста времен застоя во времена обновления. В этом смысле «старая новая» книга И. Кривелева (переизданная одновременно «на английском, арабском, испанском, немецком, французском и русском языках», как издаются работы установочные, образцово-показательные, служащие ориентиром для нас и для всего прогрессивного человечества) заслуживает не столько серьезной полемики, сколько отнюдь не праздного любопытства: уж очень она характерна.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ.



КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛА ПОДНЕБЕСНАЯ?

Китайские социальные утопии. Сборник статей. М. «Наука», 1987. 310 стр.

Известная по именам Фурье и Сен-Симона (которых никто не читал) в качестве одного из «трех источников» марксизма, утопия давно была легализована в общественном сознании как законная неправильность и почти прогрессивная неполноценность.

Когда в 1956 году были вскрыты вены истории, хлынувшая кровь немедленно запятнала утопию. Подозрение, что это она, лукавая соблазнительница, виновата во всем, с годами превращалось в убежде-

² Говорят, что совсем недавно (не имею возможности проверить) дано разрешение перевозить через наши священные рубежи две книги религиозного содержания. Если так, то я совершенно отказываюсь понять, почему два тома менее опасны, чем три или четыре, и почему вообще кто-то смеет за меня решать, что мне читать и в каких дозах.

ние. Входило в ум и сердце экзистенциалистское и позитивистское (знаменательное совпадение!) разоблачение утопии. Путь к идеалу всегда ведет через колючую проволоку (К. Поппер). Самое страшное в утопиях то, что они сбываются (Н. Бердяев). Запретная социальная фантастика — Замятин, Булгаков, Платонов, Хаксли, Оруэлл — рождала новый духовный максимализм: утопия должна быть уничтожена как категория мышления.

Интересно, что в это же время подобная установка формировалась и на Западе, но в пределах круга либеральных интеллектуалов. «Стон: куда девались утопии, — писала, например, Дж. Шкляр, — исходит от тех, кто тоскует по фашизму или революционализму». Настроение это было недолгим. Для западного ученого, прошедшего социологическую школу Карла Ман-